

КЛИНИЧЕСКАЯ (МЕДИЦИНСКАЯ) ПСИХОЛОГИЯ

ФАНАТИЗМ КАК ПРОБЛЕМА ДУХОВНОГО ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

Сообщение 2. Индивидуально-личностные диспозиции фанатизма¹

Г.В. Залевский (Томск)

Аннотация. В статье продолжается разговор о фанатизме и его индивидуально-личностных диспозициях. Рассматривается фанатизм в психоаналитической интерпретации, анализируются его внепсихоаналитические характеристики, виды и типология фанатизма, а также соотношение фанатизма и фундаментализма.

Ключевые слова: фанатизм, духовное здоровье, индивидуально-личностные диспозиции, виды и типы фанатизма, фундаментализм.

Фанатизм в психоаналитической интерпретации.

З. Фрейд, свободный от предубеждений, которые «ограничивают других в использовании интеллекта» [6. С. 52], настоятельно подчеркивал хрупкость и уязвимость человеческого разума, совести и социальной организации. Культура и нравы оказываются под угрозой страстей Оно; в любой момент общественный порядок может деградировать в примитивное состояние. Требуются большие культурные усилия, чтобы обуздать врожденную деструктивную склонность человека. Он развеял легенду о «солнечном детстве» и показал, что социализация ребенка сопровождается нарушениями, которые нередко приводят к тому, что потенциал вытесненной враждебности накапливается в инфантильной психике. Всюду, где гнев (*die Wut*) не может быть выражен, он, накапливаясь, превращается в ненависть, холодную циническую злобность. На протяжении всего детства – из гнева оральной неудовлетворенности, из огня «анального» стыда, из одипального поражения – в психике варится сукцессивно потенциал ненависти тем сильнее, нетерпимее, без любви, чем насильственнее воспитание, чем сильнее ситуация бедности и униженности, в которой ребенок вырастает, чем чаще он оказывается прямым свидетелем грубости и насилия [14, 15]. Всегда, во всех конфликтах и в условиях угрозы идентичности этот «параноидный потенциал» проявляет себя часто совершенно неадекватно [12].

М. Кляйн [13], основательница психоаналитической теории объект-отношений, усматривает корни фанатизма не столько в эдипальном комплексе, сколько в элементарных базовых позициях – «параноидно-шизоидной» и «депрессивной» – ребенка по отношению к материнскому объекту – к «плохой» и «хорошей» матери, в архаическом расщеплении между любовью и ненавистью, в радикальном стремлении уничтожить зло. И параноидно-шизоидная духовная позиция, радикаль-

ное расщепление мира на «хороший» и «плохой» с глупинно-психологической позиции является основополагающей характеристикой всякого фундаментализма и фанатизма.

В Я-психологической теории объект-отношений Отто Кернберга [11] подчеркивается роль ненависти как «зажигательной смеси для фундаменталистских и тоталитарных идеологий, которые пытаются отрицать деструктивность человеческой экзистенции». Возникновение ненависти с самого начала тесно связано с развитием либидо. Как и Кляйн, Кернберг видит в раннем детстве резкое деление между «только хорошим» и «только плохим». Поражает Кернберга то, «как быстро даже зрелые лица в серьезных случаях охватываются чувством преследования и фанатическими идеологиями, относя этот феномен к ошеломляющим аспектам *condition humana*»: «Пугающе многие индивиды, социальные интеракции которых ориентируются обычно на индивидуализированную Сверх-я систему и на лояльность по отношению к моральным ценностям, могут быть втянуты в параноидную реорганизацию социальных процессов и даже в обезчеловечивание беззащитных меньшинств и могут принять активное участие в садистических нападениях на эти группы» [12. С. 1089].

В непоколебимости собственного убеждения, в абсолютизации идеалов человеческого фанатизм имеет свою нарциссическую долю, считают Гайнц Когут и другие представители психологии Самости, особенно в тех случаях, когда позитивное переформирование детского нарциссизма не удается. Везде, где люди не чувствуют себя принятыми окружением серьезно, считают себя оскорбленными в своих убеждениях и верованиях, часто возникает грандиозное нарциссическое озлобление, которое в экстремальных случаях выливается в фанатические походы мести, войну с обидчиком и его уничтожение» [15. С. 533].

¹ См. сообщение 1 в «Сибирском психологическом журнале» (2007. № 26. С. 66–69).

Фанатизм рассматривается и в контексте психоаналитической теории совести, функцию которой берет на себя Сверх-я (Фрейд). Никогда зло не совершается так хорошо и исчерпывающе, как при добрых намерениях, сказал как-то французский философ Блэз Паскаль. Ужасная чувствительность в отношении чужой неправоты и молчание совести в отношении собственной неправоты – это действительность отвратительного и загадочного явления – человеческого фанатизма. По выражению Одо Маркарда (цит. по: [3. С. 44]), «инстанции террора не имеют совести, они ею являются». Уровень достигнутого развития совести становится решающим в определении меры и формы фанатического потенциала. Дело в том, что едва ли какой-либо другой процесс развития настолько уязвим, как формирование морали и совести. В этом могут быть виноваты и господствующее равнодушие, и brutality, и отчуждение в семейных отношениях, и авторитарность в дрессировке моральных правил, и др.

При любом виде фанатизма видение охватывает личность своей радикальной односторонностью, обещает одним ударом решить все внутренние и внешние проблемы. Результатом этого является фанатическое сужение и ужесточение совести, «тирания ценности» [7], которая вырывается из множества этических принципов, абсолютизируется в отрыве от жизни, а остальные ценности блекнут на ее фоне.

Внепсихоаналитические характеристики фанатизма. По мнению Концена [3. С. 25], вне зависимости от психоаналитического толкования фанатизма (фанатичности) – как потери штрафной функции Сверх-я, как реактивного образования против ненависти, зависти или стыда, как выражения коллективной паники при ослаблении или разрушении групповой общности – запускает субъективно фанатическое чувство не что иное, как угроза потери идентичности. Фанатично реагируют люди или группы людей, прежде всего, тогда, когда оказываются под вопросом или оскорблены базовые опоры (ценности) их существования – вера, обычаи, справедливость, правда.

В самом общем виде фанатизм можно определить как «вынужденную реакцию оказавшейся под угрозой психики», что предположительно заложено в человеке филогенетически в виде инстинкта самосохранения. Но фанатиками тем не менее не рождаются, ими становятся при определенных дефектах социализации (*trait-phanatism* – как свойство личности) или в особых экстремальных жизненных ситуациях (*state-phanatism* – как состояние).

Концен [3. С. 25–26], рассматривая фанатизм через призму психологии идентичности, считает его не как очень твердую константу личности, а скорее, как нечто текучее, то, что приобретает власть над чувствами индивидов и групп людей, что ее теряет, как возможность человеческого бытия. В каждом человеке есть место для предубежденности, радикализма, готовности проявить

ненависть, каждый готов выдать фанатические эмоциональные реакции или фанатические временные состояния. Но существует маленькая, но экстремальная группа людей, у которых фанатизм является их свойством, ядром их идентичности.

Виды фанатизма и типология фанатиков. Самым распространенным является деление фанатизма на три как бы главные формы проявления – религиозную, политическую и бытовую, что представляется в современном мире искусственным. В поисках исключительно «чистого», «совершенного», «абсолютного» любой фанатизм содержит религиозное ядро. Любой фанатизм хочет улучшить несовершенную действительность и в широком смысле является политическим. И в каждом фанатизме бытовое переходит в нетерпимое морализирование. В то же время религиозный, политический и бытовой момент человеческого фанатизма могут выступать в различных культурных и исторических контекстах на передний план и не могут быть перекрыты друг другом.

В то время, например, как левые террористы в семидесятые годы преследовали чисто политические цели и частично боролись за сексуальную либерализацию, современные экстремизм и фундаментализм во многих своих проявлениях не позволяют развести политический и религиозный фанатизм, сверх того, они перемешиваются, например, в радикальном исламизме с очень жестким бытовым фанатизмом.

Несмотря на определенное критическое отношение ко всякой типологизации, Концен [3. С. 33–37] представляет некоторые основополагающие критерии классификации человеческого фанатизма и его типы. Самым важным и простым делением человеческого фанатизма он считает деление его на «оригинальный» и «индуцированный». Оригинальный фанатизм – авторский, генерирующий фанатизм, идущий из глубины психики, побуждаемый внутренними мотивами и личностными образованиями человека. Оригинальный фанатик сам выступает автором, генератором какой-либо идеи, веры, определения, которые захватывают его полностью, его чувство идентичности и ценности жизни зависят от исполнения его миссии, другие содержания жизни блекнут. Индуцированный фанатизм имеет место там, где люди через внешние влияния, массовый энтузиазм, демагогию, внушение оказываются втянутыми в экстремальные состояния. Именно это завораживающе-захватывающе и запускает эпидемии фанатизма, делая его таким опасным. Когда люди попадают в фарватер оригинального фанатика, их можно считать индуцированными фанатиками, например адепты сект, члены террористических групп или фашистских организаций, в том числе военных, которые слепо следуют за движением, гуру или фюрером/вождем.

Оригинальный и индуцированный фанатизм могут выступать в виде «идейного» или «формального» фанатизма. При идейном фанатизме в его самой банальной

форме имеют место комплексы, ригидная фиксация на подозрениях и идеях-фикс, личных притязаниях. Великие фанатики истории переживали разного рода видения, которые все более ограничивали свободу их Я, делая его слишком односторонним, угрожая порой разрушить ценность самой идеи. Формальный фанатизм исключительно озабочен следованием, так сказать, форме или букве самой идеи – соблюдением формы искусства, правил религиозной литургии, разного рода ритуалов. Любые отклонения вызывают сильнейшее негодование и даже преследование, что в конечном счете нередко приводит к тому, что «буква убивает дух» [3. С. 34]. Формальных фанатиков следует отличать от «формалистичных фанатиков» [17], которые с излишним энтузиазмом выполняют указания свыше, под давлением Сверх-я, без особой связи с некоторой ценностью или идеей, но с сильной садистической мотивировкой, стремлением к власти и выигрышу.

Некоторые авторы [3] пытаются делить фанатизм на конструктивный и деструктивный. Говоря о «конструктивном» фанатизме, порой ссылаются на Платона (искусство возможно только «в состоянии сильного возбуждения»), на Гегеля, который говорил, что «без страсти ничего великого в мировой истории не совершалось», что не мыслимы без некоторой фанатической интенсивности ни творческий экстаз, ни огонь гуманистов и святых, правда ограниченных встречными силами веры и любви. Но с моей точки зрения, в данном случае речь идет не об истинном фанатизме, а скорее, о том, что можно было бы обозначить как quasi-фанатизм. Истинный же фанатизм по своим действиям и последствиям – это всегда фанатизм деструктивный, движимый вредной страстью, ненавистью, оканчивающийся, как правило, саморазрушением или разрушением других, это «болезнь до смерти». И в этом смысле истинный, деструктивный фанатизм может быть «неболезненным», предельным и «болезненным, безумным», не имеющим предела, если речь идет о разрушении внешнего мира, «болезни до смерти» внешнего мира. Именно в этом смысле Де Боор [4] называет терроризм «безумием здоровых».

По тому, как себя эмоционально проявляет фанатизм, говорят о «горячем» и «холодном» его вариантах. В первом случае это легко возбудимый фанатик, у которого все на лице написано, в пантомимике – импульсивное, ситуационное, реактивное поведение, во втором – хладнокровно просчитанное и реализованное поведение. Есть фанатизм «безголовый», реализующийся нередко во враждебных жизни ригидных ритуалах в аскетической тиши, тлеющий до поры до времени, пока эта система вдруг не подвергнется сомнению или окажется под угрозой. Отличается от него «экспансивный фанатизм», выражающийся в миссионерстве, в постоянной борьбе, в видении только «белого веры или черного неверия», в лозунге «кто не с нами, тот против нас». В зависимости от интенсивности отстаивания фанатических позиций

фанатизм может быть «мягким» или «жестким» [3. С. 36]. Жесткий фанатизм не знает компромиссов, он последователен вплоть до смертельного исхода, для него цель оправдывает средства. В зависимости от степени ясности содержания и целей фанатизм можно разделить на «ясный», с продуманной, хотя и абсурдной идеей, и «неясный», с шаблонными, путанными идеями.

Приведенное деление фанатизма, конечно, во многом условно, так как возможны взаимопереходы между его видами или их смешение. Особые размышления вызывает оригинальный, с несокрушимым миссионерским сознанием, идейный фанатизм, который реагирует на все внешние преграды мощной экспансивностью, расчетливой рациональностью и неукротимой одержимостью. К этой группе относятся страшные фанатичные личности, которые во времена великих «вакуумов идентичности» истории брали на себя инициативу и становились «герольдами зла» [5].

Попытка характеризовать личности фанатиков, подвести их под определенные типологии или диагнозы остается проблематичной. Так, К. Шнайдер [18] говорил о «пассивных» и «активных, экспансивных» фанатиках, поместив их в группу психопатов. Рудин [17] проводит различие между «идейными», «формальными» и «формалистичными» фанатиками. Холе [8] говорит о «пробойных, экспансивных идейных фанатиках», «активных фанатиках личностных интересов», «приглушенных, расплывчатых групповых фанатиках» и «конформных, зависимых фанатиках одной линии». Такие характеристики, как и классические личностные типологии, считает Концен [3. С. 33], содержат в себе нечто подкупающее, но и опасность того, что мы можем пройти мимо индивидуальности и историчности».

Фанатизм и фундаментализм. В контексте проблемы фанатизма следует уточнить его отношение к фундаментализму, о котором так много сказано в медиа-средствах и написано книг [9, 10, 16 и др.]. Изначально выражение «фундаментализм» восходит к издаваемой американскими протестантами между 1910 и 1915 гг. серии под названием «The fundamentals» (базовые принципы, основания). За религиозной узостью скрывался страх протестантских англо-американцев за свою идентичность перед лицом массового переселения с середины XIX столетия, а также в связи с довольно быстрым структурным преобразованием Америки из аграрного государства в индустриальное. Корни фундаментализма, как и догматизма, видятся, прежде всего, в бесчисленных будничных предубеждениях и предрассудках, в «Starrheit des Meinens» [1]. В то же время Концен [3. С. 37] считает, что следует отличать фундаментализм как особое духовное образование от предубеждений/предрассудков обыденной жизни. В первом случае иммунизация идентичности против чужого, непохожего квази-институализируется, выливается в твердые религиозные или политические шаблоны. Здесь Я переплав-

ляется с Мы-идентичностью, при этом опираются на не подвергающийся сомнению принцип – на Бога, писание, святое учение, лежащий в основе объяснения всего остального. Сложность мира редуцируется, ограничивается свободный потенциал жизни. Все, что не согласовывается с ригидным политическим или религиозным священным принципом, считается враждебным, избегается, а в экстремальных случаях подвергается уничтожению. Следует подчеркнуть, что любое мировоззрение, даже научная картина мира, может стать фундаменталистским, если оно ригидно абсолютизируется и более не рефлексруется и не оценивается критически его сторонниками [9].

Вера в фундамент является безусловной, подчинение авторитету, который лежит в основе фундамента, защищает, порой тотально. Из ригидного вероубежде-

ния вытекает расщепление мира опыта на «хороший» и «плохой». В склонности к черно-белому делению мира, в абсолютизации веропозиции и в самоиммунизации против критики и сомнения между фундаментализмом и фанатизмом есть много общего. Хотя религиозные радикализмы и тоталитарные святы учения содержательно довольно далеко отстоят друг от друга, в то же время мы снова и снова находим черно-белое деление, отсутствие терпимости к амбивалентности [3. С. 21].

Ядерным аффектом человеческого фанатизма является, несомненно, ненависть, рационализированная и маскированная идеалом. Но, как пишет Больтерауэр, «истинный идеализм коренится в любви, фанатический же – в иррациональной ненависти» [2. С. 59]. Правда, довольно сложно проложить границу между ними, так как то и другое можно обнаружить в одном и том же человеке.

Литература

1. Adorno T.W. Studien zum autoritären Charakter. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1973.
2. Bolterauer L. Die Macht der Begeisterung. Fanatismus und Enthusiasmus in tiefenpsychologischen Sicht. Tübingen: Edition discord, 1989.
3. Conzen P. Fanatismus. Stuttgart: Kohlhammer, 2005.
4. De Boer W. Terrorismus: Der «Wahn» der Gesunden // Schwind (Hrsg.). Ursachen des Terrorismus in Bundesrepublik Deutschlands. Berlin; New York: De Gruyter, 1978. S. 122–153.
5. Erikson E.H. Lebensgeschichte und historischer Augenblick. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1982.
6. Freud S. Ansprache an die Mitglieder des Vereins BNai Brith // GW. 1941. № 17. S. 51–53.
7. Hartmann N. Ethik. Berlin: De Gruyter, 1926.
8. Hole G. Fanatismus. Der Drang zum Extrem und seine psychische Wurzeln. Freiburg: Herder, 1995.
9. Jaeggi C.J., Krieger D.J. (Hrsg.) Fundamentalismus: Ein Phänomen der Gegenwart. Zürich: Orell-Fuesli-Verlag, 1991.
10. Keppel G. Die Rache Gottes. Radikale Moslems, Christen und Juden auf dem Vormarsch. Zürich: Piper, 2001.
11. Kernberg O.F. Wut und Hass. Über die Bedeutung von Aggression bei Persönlichkeitsstörungen und sexuellen Perversionen. 2. Aufl. Stuttgart: Klett-Gotta, 1998.
12. Kernberg O.F. Psychoanalytische Beiträge zur Verhinderung gesellschaftlich funktionaler Gewalt // Psyche. 2001. Vol. 55. S. 1086–1109.
13. Klein M. Das Seelenleben des Kleinkindes und andere Beiträge zur Psychoanalyse. Stuttgart: Klett, 1962.
14. Kohut H. Narzissmus. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1973.
15. Kohut H. Überlegungen zum Narzissmus und zur narzisstischen Wut // Psyche. 1973. № 27. S. 513–554.
16. Meyer T. Fundamentalismus. Aufstand gegen die Moderne. Hamburg: Rowohlt-TB-Verlag, 1989.
17. Rudin J. Fanatismus. Eine psychologische Analyse. Olten und Freiburg: Walter-Verlag, 1975.
18. Schneider K. Klinische Psychopathologie. 10 Aufl. Stuttgart: Thieme, 1973.

FANATICISM AS A PROBLEM OF SPIRITUAL HEALTH OF A PERSON AND SOCIETY

Report 2. Individual-personal dispositions of fanaticism

G.V. Salevskiy (Tomsk)

Summary. In the article the talk is continued about the fanaticism and its individual-personal dispositions. The fanaticism is discussed from the psychoanalytical position and analysed its another characteristics, its arts and types, and correlations between fanaticism and fundamentalism.

Key words: fanaticism, spirit health, individual-personal dispositions, arts and types of fanaticism, fundamentalism.